

Вступление.

Библиотека: слова и вещи

История текстов неотделима от истории книг, в которых они передаются, а история книг, в свою очередь, проистекает из истории собраний книг. Через историю таких собраний вырисовывается важный аспект культурной жизни: книги сделаны людьми для людей, и собрания книг показывают, что беспокоило общество, которое их создало <...> или растеряло.

Луи Хольц [1]

Зачем нужна история библиотек?

Актуальность и неактуальность

Может показаться, что история библиотек, которой посвящено множество научных работ, сегодня становится неактуальной: что у нас, в эпоху Интернета и новых медиа, общего с этими пыльными и уединенными учреждениями? Этот феномен подчеркивается дематериализацией, которая образует «третью информационную революцию» [2] и позволяет размещать в сети массивы нового контента: каталоги библиотек (ОРАС) и серии метаданных, а также сами библиотеки в форме цифровых текстов. Экономика медиа претерпевает глубокие изменения, и для получения доступа к информации больше не нужно, как раньше, куда-то идти или ехать. Между тем библиотека в первую очередь — это общедоступное хранилище текстов, не так ли?

Однако сегодня библиотеки, возможно, могут рассказать нам еще больше, чем вчера, и вопрос библиотек, безусловно, остается актуальным: достаточно рассмотреть движение по созданию «медиабиблиотек», или внимание, уделяемое функциям национальных библиотек, в особенности в отношении вопроса идентичности. Разнообразие библиотечных структур (публичные, университетские, специализированные, национальные и т. д.) позволяет предположить, что говорить об их неактуальности было бы заблуждением, но функции библиотек меняются: библио-

теки удовлетворяют одну или несколько «ежедневных» потребностей, будь то потребность в информации (не все можно найти в Интернете) или развлечениях (никогда не публиковалось так много книг, как сейчас), а также обеспечивают равенство (предоставляют доступ к информации и обучению тем, у кого не всегда есть на это средства), следовательно, демократию, или, как еще можно сказать, коллективную идентичность.

Взгляд в прошлое позволит нам пролить свет на современную проблематику.

Традиционная история

Несмотря на вполне реальный прогресс, в изучении истории библиотек мы находимся примерно на той же стадии, на которой находилась история книги, когда Люсьен Февр жаловался во вступлении к первой статье, опубликованной Анри-Жаном Мартеном в «Анналах» в 1950-е годы:

История книги — это *terra incognita*. Не то чтобы научных работ не хватало <...>. Но <...> история книгопечатания лишь в редчайших случаях рассматривается как часть общей истории. Литературоведы до сих пор могут целыми днями рассуждать об авторах, не ставя перед собой тысячу вопросов о печати, публикации книг, вознаграждении, тиражах, подпольном существовании книг и т. д., которые бы заставили их посмотреть правде в глаза. Исследователи экономической истории все еще могут себе позволить обращать самое рассеянное внимание на отрасль <...> во многих аспектах сугубо капиталистическую <...>. То же самое относится и к историкам религии, морали или политики. Всем им нет оправданий <...>. Научная работа продолжается — но историческая работа должна на ней основываться и вытекать из нее, а этого не происходит. И очень жаль.

Дело в том, что история библиотек в течение долгого времени рассматривалась в самой классической манере, в форме моно-

графий (типа «История библиотеки...») или же сводной информации по отдельной стране [3]. При этом мир библиотек остается в профессиональном плане на периферии науки.

Библиотеки — это не университеты в институциональном смысле этого слова, и эта ситуация приводит к тому, что, по крайней мере, с точки зрения истории мы остаемся несведущими в этой очень богатой сфере. «[Во Франции] библиотеки и их история остаются для многих [историков] малозначимой темой, о чем свидетельствует почти полное отсутствие упоминаний библиотек в многочисленных работах по истории культуры или истории образования» (Доминик Вари на 160-м конгрессе библиотечарей Франции).

Хотя первые шаги в области истории библиотек, логики их организации или даже практики чтения и использования книг сделаны, история библиотек сегодня должна стать не просто научной историей: было бы уместно обобщить вопросы, которые волнуют нас тем более, что мы переживаем период более существенных изменений и должны попытаться их оценить.

Материальная история мысли

Идеализация объектов исследования, когда речь идет об истории абстрактных объектов и творчества (истории идей, истории искусства и т. д.), часто заставляет думать, что материальные соображения определенным образом испортят мир идей. Известно, что начиная с XVIII века велись ожесточенные дискуссии по вопросу выплаты авторского вознаграждения, ведь в результате продукт творчества становится своего рода товаром [4]. Вкратце, если воспользоваться формулировкой, предложенной Жаном Ивом Молье: совместимы ли «деньги» со «словесностью»? [5]

Однако текст нельзя воспринимать как абстрактную сущность, поскольку его можно увидеть и прочесть только благо-

даря определенному носителю (интерфейсу), и материальные условия его функционирования (в том числе на финансово-экономическом уровне) оказывают глубокое влияние даже на его содержание и определяют его потенциальное восприятие. В этом вся суть поставленных вопросов «книжного» и «текстового» форматов, что заставляет пересмотреть самые общие категории, такие как «автор» (кто отвечает за текст, предложенный читателю?), «текст» (принимаящий множество форм) и вообще «литература». Как отмечает ряд исследователей, от Жоржа Дюби до Луи Хольца и Алена Либера, мысль разворачивается только в исторической среде с некоторым количеством ограничений и опирается на ряд материальных инструментов, институтов и практик, которые обеспечивают то, что мы называем логистикой. В конечном счете существует же инструментальная история мысли, история чтения, письма, книг или дискуссий, что неизбежно усложняет историю концепций и историю институтов [6].

Свою роль непременно играют не только материальные условия работы и интеллектуальной деятельности, влияние мира библиотек на мир идей также ощущается через специализированные методы, постепенно разрабатываемые для обращения с книгами, например, посредством стандартизации библиографических описаний или разработки систем классификации. В то время как вопросы о происходящих изменениях становятся все более насущными, именно эта инструментальная история лежит в основе проекта историков книги и историков библиотеки и поддерживает актуальность их работы.

Сегодня мы лучше осознаем тот факт, что экономика средств медиа, или «социальных средств коммуникации» (Анри-Жан Мартен) включает определенное количество категорий, которые мы склонны считать заданными априори: такие категории, как текст, автор, издание, права на литературное произведение, даже литература и т. д., следует рассматривать как исторические явления. Если ограничиться только примером текста, то история книги и чтения показывает, что существует не один текст, а тек-

сты, меняющиеся от одного издания к другому, даже от одного экземпляра к другому; что эти тексты можно читать только в определенном «книжном формате», который включает их возможное присвоение, но меняется в зависимости от материальной формы носителя; и, наконец, что за текст, предлагаемый читателю, отвечает не только автор — в классической схеме необходимо привлечь издателя (в коммерческом смысле), типографию, возможно, иллюстратора, переводчика, не забывая и о самом читателе, который в конечном счете и конструирует текст как текст, присваивая его. Библиотеке не избежать установок инструментальной истории, эта зависимость еще сильнее, чем в других областях, связанных с книгами и писательством [7].

Лексика

Но что же такое библиотека? Парадоксальным образом, банальность определенных терминов делает их более прозрачными: если каждый думает, что знает, что же такое книга или библиотека, то это потому, что само слово, употребляемое ежедневно и «бездумно», больше не кажется загадкой. На самом деле это только иллюзия, и, как показали немецкие исследователи, история лексики также представляет собой очень важный путь понимания истории дискурса, мысли и идей [8].

Библиотека (Bibliothèque)

Слово «библиотека» происходит от греческого βιβλιοθήκη, что означает «книжный шкаф». Под библиотекой подразумевался сначала предмет мебели, определяемый своим содержимым, свитками (volumina), затем книгами в виде скрепленных вместе листов (кодексами); в более широком смысле термин стал обозначать помещение (помещения) с такой мебелью. Греческий термин попал в латинский язык (biblioteca) и использовался, например, для обозначения новых учреждений, основанных императорами

и доступных для публики (римские библиотеки). На протяжении значительного отрезка средневековой эпохи он оставался редким и практически забытым: в этот период предпочитали использовать латинское слово «*armarium*», означающее «шкаф с книгами» (нем. *Bücherschrank*). Производное «армариус» обозначает человека, отвечающего за книги, другими словами, библиотекаря или библиотекаря-архивариуса, чаще всего в монастыре.

Посредством метонимии термин «библиотека» также переносится на содержание одной или несколько книг. Ветхий Завет считается «библиотекой», как и поэмы Гомера, поскольку они представляют собой тексты, включающие весь человеческий опыт. Сочинения Отцов Церкви составляют сборник *Bibliotheca Patrum*, а в конце XVI века Круа дю Мэн и дю Вердье опубликовали два библиографических справочника французской литературы, назвав их «библиотеками» [9]. Постепенно это слово начинает употребляться скорее в значении редакционного сборника («Зеленая библиотека» издательства *Nachette*). Следуя той же логике, слово «библиотека» сегодня применяется к набору дематериализованных текстов, предоставляемых читателю через Интернет: это «цифровые библиотеки», или «виртуальные библиотеки» типа *Google Books*, или *Gallica*, электронная библиотека Национальной библиотеки Франции.

Такая полисемия значима: слово «библиотека» отсылает как к физической сфере (определенное пространство, предметы и т. д.), так и к абстрактному содержанию (тексты, составляющие некий комплекс).

Librairie

Librairie — слово, наиболее часто используемое в Средние века для обозначения библиотеки в ее пространственном выражении. Оно происходит от латинского прилагательного *librarius*, означающего «книжный» (от *liber*, книга). Это слово, используемое как субстантивированное прилагательное, обозначает функцию: книготорговца, то есть библиотекаря (в монастыре)

и переписчика или (с XIII века) руководителя мастерской, где переписывали и продавали рукописные книги (фр. *librère*, книго-торговец). То же существительное, но в среднем роде (*librarium*) означает книжный шкаф, а в женском роде (*libraria*) — собрание книг, библиотеку. По мнению Вальтера фон Вартбурга [10], это последнее слово соответствовало не женскому, а среднему роду множественного числа слова *librarium* со значением «несколько книжных шкафов». До XVI века, а иногда и позже, Королевскую библиотеку обозначают не словом *bibliothèque*, а именно *librairie*, вверяя ее «мэтру» и «хранителям». Нам известно, что тем же словом, *librairie*, называл свою библиотеку Монтень, и столетие спустя Лафонтен все еще использует этот термин в значении «библиотека» в своей балладе об Эскобаре и янсенистах (1664):

De ses écrits dont chez lui l'on fait cas,
Qu'est-il besoin qu'à présent je les nomme?
Il en fait tant qu'on ne les connoît pas.
De leurs avis servez-vous pour compas,
N'admettez qu'eux en votre librairie,
Brûlez Arnould avec sa coterie...¹

Слово *bibliothèque* используется во французском языке в значении «место для книг», с конца XV — начала XVI века (Исторический словарь французского языка «Robert»² дает дату 1493 год). Это употребление утвердилось в XVIII веке, о чем сви-

¹ Известные в стране той сочиненья

Зачем сейчас я буду называть?

Их столько, что нам все и не узнать.

Пусть компасом послужат вам их мненья.

В библиотеке их советую держать.

Арно же ересь на костре сжигать. — *Здесь и далее, если не указано иное,*

прим. пер.

² «Le Grand Robert» — исторический словарь французского языка, который также является толковым словарем. — *Прим. ред.*

детельствует Энциклопедия (статья «Библиотека»¹), где подчеркивается пространственный характер определения и важность классификации и расстановки книг по порядку: «Библиотека в прямом смысле слова означает место, предназначенное для размещения книг. Библиотека — это более или менее обширное пространство, с полками или шкафами, где книги расставлены по разным классам: об этом порядке мы поговорим в статье “каталог”».

Таким образом, от предмета мебели значение слова постепенно расширилось на помещение, где расположена мебель (комнату), а затем на здание (здание библиотеки). Конечно, слово «библиотека», в зависимости от ситуации, также обозначает публичное или околোগосударственное учреждение (Королевская библиотека, позже Национальная библиотека и т. д.).

Социология лексики

Вальтер фон Вартбург выдвигает гипотезу, согласно которой замена слова *librairie* на *bibliothèque* с конца XV века произошла из-за повышения значимости печатных книг по сравнению с рукописными. Слово *librairie* обозначало более ограниченное собрание книг, чем *bibliothèque*. Не будем углубляться в эту теорию, но констатируем, что аналогичная замена произошла в немецком языке: вместо *Liberey* стали использовать *Bibliothek*. Так и Лютер в своих «Застольных беседах» говорит, что не стоит публиковать текст в форме толстого тома, если желаешь, чтобы его прочитала широкая публика, потому что толстые тома создаются «для библиотек (*bibliothecae*), и никто их не покупает и не читает <...>. Кто сегодня покупает “Труды” Блаженного Августина или Эразма? Они спят в библиотеках. <...> Гораздо лучше напеча-

¹ Имеется в виду «Энциклопедия, или толковый словарь наук, искусств и ремесел» — французская энциклопедия эпохи Просвещения, одно из крупнейших справочных изданий XVIII века, написанная французскими учеными-энциклопедистами Дени Дидро и Жан Лероном д'Аламбером.

тать [мой текст] отдельно, потому что так он останется у простого человека».

Латинский термин в этом тексте на разговорном немецком языке выбран, чтобы обозначить эти закрытые учреждения, предназначенные только для владеющих латынью священнослужителей, где книги спят, всеми забытые и ненужные. Эжен Морель подхватил эту идею, поместив в начало своей книги «Общественная библиотека» несколько провокационную — а сегодня просто необычную — формулу: «Какой педант изобрел слово *Bibliothèque*, оставив французское слово *Librairie* англичанам? <...> Слово [*bibliothèque*] новое, варварское, но после нескольких веков попыток оно акклиматизировалось во Франции. Им обозначают книги, которые хранят, а не дают читать» [11].

Никто не усомнится в том, что использование определенного слова относится к социологии употребления, даже если обсуждение обычных терминов кажется тщетным. Морель допускает это со стратегической целью (для него речь идет о внедрении англосаксонской модели бесплатной библиотеки во Франции): «Какая разница, что за слово используется? Почти никакой, если само явление существует <...>. Но то, что почти ничего не значит, когда явление уже существует, играет огромную роль, когда оно только создается. Нужно понять новое явление, а чтобы его понять, нужно использовать слова. Так что слово имеет значение».

Явления: библиотеки и культурный трансфер

Итак, библиотека означает корпус текстов (собрание текстов), размещенных в определенном пространстве (пространстве библиотеки). При этом главенствующая характеристика этой пары «содержание/помещение» заключается в ее глубокой включенности в логику культурного трансфера, причем на разных уровнях [12].

Библиотека как институт культурного трансфера

Поскольку речь идет о письменной культуре, библиотека сама по себе является институтом трансфера, в той мере, в которой она предлагает пользователю более или менее существенную часть информации, доступной в письменном виде в определенный момент времени. Если в современной частной библиотеке эта часть ничтожно мала, то она куда более значительна даже с точки зрения здравого смысла в национальной библиотеке энциклопедической направленности:

— Нельзя найти? В книжном магазине — может быть! Но мы точно это найдем в библиотеке Британского музея, вот увидите!
— Как-то я об этом не подумал! [13].

Роль библиотек в процессах трансфера тем более велика, что до XIX века мы находились в ситуации, когда основным средством культуры на Западе была книга — термин, который мы понимаем здесь в самом широком смысле — рукопись или печатная книга, а также документы, периодические издания и т. д.). При этом долгое время книга продолжала оставаться относительной редкостью. Таким образом, функция библиотеки, места, где доступны книги, является стратегической с точки зрения трансфера и присвоения культуры. Так, перенос классической греческой культуры в доимперский и имперский Рим состоялся благодаря импорту книг и созданию «открытых» библиотек, причем первые из них были трофеями, захваченными на Востоке. В начале V века н. э. Блаженный Августин, который не очень хорошо знал греческий, прибег к переводам на латынь, имеющимся, в частности, в библиотеках крупных политических центров, таких как Рим и Милан, но также и Трир и т. д.: «Ты, Господи <...> доставил мне через одного человека, надутого чудовищной гордостью, некоторые книги

латоников, переведенные с греческого на латинский» (Исповедь, VII, IX)¹.

Еще позже, в эпоху Великой французской революции, в связи с появлением новых «национальных библиотек» после конфискации имущества аристократов, роль библиотеки в трансфере культуры теоретически осмысливается как с точки зрения гуманистической, так и с политической.

Модальность трансфера: содержание

Трансфер культуры через книгу в рамках такого учреждения, как библиотека, происходит в трех основных модальностях:

- В первую очередь благодаря чтению доступного текстового содержания «в настоящем времени».
- Трансфер также может быть «и протяженным во времени», в той степени, в которой библиотека является местом хранения текстового наследия, к которому можно обратиться. В таком случае трансфер осуществляется на двух уровнях, в зависимости от того, уделяется ли внимание прежде всего самому тексту (например, если речь идет о недавнем издании более или менее старого текста, как «Гаргантюа» Рабле), или же старинному носителю текста (редчайшее издание «Гаргантюа», напечатанное в Лионе в 1534 году). Вопрос цифровизации и виртуального существования библиотеки пока остается за рамками нашего исследования.
- Наконец, третья модальность показывает культурную географию, поскольку библиотека не обязательно предлагает читателю контент, относящийся к культурной среде читателя (в первую очередь лингвистической), но обеспечивает более широкий выбор. Таким образом, она представляет собой зеркало самого медиа, в данном случае — книги, в качестве носителя, обеспечивающего трансфер. Импорт «иностранный»

¹ Здесь и далее цитаты из Исповеди Блаженного Августина приводятся в переводе М. Е. Сергеевского.

может осуществляться прямо (как иностранный контент или, в частности, контент на иностранных языках) или косвенно (этот контент становится объектом трансфера при помощи перевода, как показывает пример Блаженного Августина). Определенным образом библиотека как область деятельности, связанная с книгами, через письменные источники обеспечивает контакт между лингвистическим и политико-культурным пространствами, которые, впрочем, становятся во многом автономными.

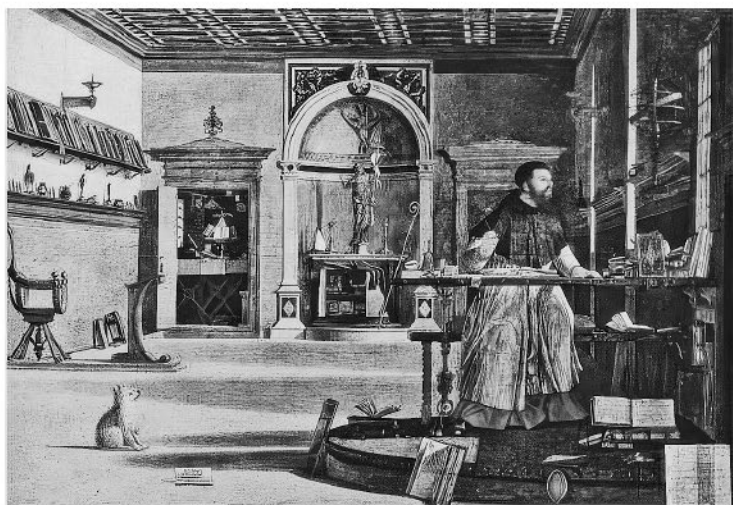
Модальность трансфера: практика

Однако теория культурного трансфера показала, что он не функционирует однозначно, а развивается в разных планах и следует разной логике. Библиотека в роли института трансфера выступает подтверждением данного факта. Фактически она формирует конкретное пространство, гарантируя определение и организацию некоего корпуса текстов: здесь находится комплекс дискурсов, обусловленный этим объединением. Функция обеспечения доступности данного контента может осуществляться путем простого хранения и упорядочивания, но также может включать в себя и более сложные подходы, например подход классификации. Ниже мы вернемся к этому аспекту, а здесь просто подчеркнем, что библиотека как репрезентативный институт сама по себе является объектом культурного трансфера. Проиллюстрируем этот факт тремя пунктами:

- Как показывает современное библиотечное дело, практику которого кардиналы-министры перенесли из Италии во Францию в первые десятилетия XVII века, концепция библиотеки и принятые в ней техники организации и управления составляют комплексы знаний, передающиеся из одного пространства в другое.
- Репрезентация библиотеки более или менее соответствует присвоению идеальной модели, что также включает процесс трансфера и присвоения. Создание библиотеки определенным образом легитимизирует власть правителя, на которого падает свет универсального знания. Образцом библиотеки

на Западе остается Александрийский Мусейон, причем его модель пытались воспроизвести уже Атталиды в Пергаме: на протяжении истории Александрийскую библиотеку постоянно будут пытаться оживить, основывая все новые и новые, так сказать, «репрезентативные» библиотеки вплоть до Новой Александрийской библиотеки (2002).

- Наконец, эта репрезентативная функция отражается в материальном устройстве. Например, библиотеки немецких князей и аристократов эпохи барокко представляют собой «кабинеты»: здесь есть не только книги, но это и настоящая мизансцена, поскольку аллюзии на Александрию и концепция зеркального отражения мира сохраняют свою значимость. Аналогичным образом, здание библиотеки, возведенное во второй половине XIX века, заявляет о своем идеальном проекте посредством декоративного словаря — от имен авторов и ученых, украшающих фасад новой библиотеки Святой Женевьевы в Париже,

Vittore Carpaccio, *St Augustin dans son cabinet de travail*, 1502. Scuola Grande dei Schiavoni, Venice.

Витторио Карпаччо. Блаженный Августин
в своем рабочем кабинете. 1502.
Скуола Гранде дельи Скъявони. Венеция

до головы Минервы, располагающейся над воротами в немецкую университетскую библиотеку в эпоху кайзера Вильгельма. Декоративные модели также циркулируют в соответствии с логикой трансфера, и библиотекам этого не избежать.

Мы встречаем примеры феномена, который появляется на протяжении всей истории библиотек и по сей день: культурный трансфер отсылает к метаморфозе и, поскольку речь идет о библиотеках, он, безусловно, затрагивает как текстовое содержание, так и сам по себе институт, его способы функционирования и репрезентации.

Что можно найти в этой книге: ключи к чтению

Это ремарка для читателя о том, что он найдет — и чего не найдет — в этой книге.

Институт и метаданные

Термин «институт» здесь уже неоднократно упоминался. Определение, предложенное Брониславом Малиновским, по нашему мнению, прекрасно подходит для проекта истории такого особого института, как библиотека: «Институт <...> предполагает взаимное согласие по комплексу ценностей. Кроме того, считается, что участники этого института связаны между собой и с окружающим их материальным пространством <...>. Связанные уставом своих проектов <...> они трудятся сообща» [14].

Библиотека как институт определена выше как совокупность текстов, собранных и доступных в конкретном месте. Для уточнения данного определения необходимо учитывать принцип «сохранения доступности» и рассмотреть роль библиотеки в этом отношении — роль иногда парадоксальную, поскольку некоторые книги или тексты, где это уместно, будут определяться как непередаваемые. Проще говоря, библиотека предполагает более

или менее обширную работу по организации текстов в корпус посредством их носителей — книг.

На элементарном уровне эта работа состоит в составлении корпуса текстов и его последующем размещении, например, на этажерках, в более или менее последовательном порядке. К этому образцу отсылает, например, картина Карпаччо начала XVI века, на которой изображен Блаженный Августин в своем рабочем кабинете (Венеция, Скуола ди Сан-Джорджо дельи Скьявони).

Но по мере того, как обрабатываемая масса становится слишком объемной (книг появляется все больше), а условия доступа меняются, возникает необходимость рационализировать работу с носителями (книгами) и их размещение, чтобы содержание книг можно было использовать, необходимо расставить их согласно определенной программе, подготовить каталоги и иметь в распоряжении инструменты взаимодействия. В Арсенальной библиотеке Парижа сам владелец, маркиз де Польми, определенным образом осуществлял такое взаимодействие и ориентировал пользователей в своей гигантской коллекции. Но чаще всего составляются описи и каталоги, ставится специальная мебель для представления серии метаданных — от «книжного колеса» герцога Вольфенбюттеля до установления картотечных шкафов или размещения контента в Интернете в наше время, что позволяет узнать о наличии книги онлайн. Таким образом, спецификой книги является двойная связь хранения медиаматериалов и их обработки.

Такая двойная связь появилась в Александрии в эпоху Птолемея. Фактически роль Мусейона заключалась в сборе данных (свитков) и их хранении в наилучших условиях, а также в работе над содержанием и создании серии метаданных, которые обогатили бы эти носители информации и позволили их использовать. На первом месте среди этих метаданных фигурируют «этикетки» (имя автора, наименование и т. д.), которые описывают содержание и его носителя, а также серии этикеток, то есть каталоги

доступных фондов. Таким образом, библиотека представляет собой механизм одновременно трансфера и посредничества, за счет вводимых процедур работы с книгами [15]. Именно об этом говорит Шреттингер в 1834 году, когда дает следующее определение библиотеки: «Это значительное собрание книг, устройство которого облегчает их использование со всех точек зрения» [16].

Собирая, классифицируя тексты и предоставляя к ним доступ, библиотека также выполняет функцию предписывающего органа, устанавливающего определенный порядок. Выбор приходится делать при организации собрания книг, а также по вопросу материального расположения книг и их доступности: вопрос о запрещенных книгах (или книгах, о которых нельзя сообщать) возникает во многих библиотеках до революции 1789 года и остается актуальным до сих пор. Библиотека аббатства или колледжа доступна не всем, а количество наименований, предоставляемых публике без помощи библиотекаря (книг, находящихся в свободном доступе), не так велико. Патрик Базен объясняет факт, касающийся современных публичных библиотек: «Библиотека <...> это организация знаний, которая функционирует как декантор, где публикации проходят через ряд фильтров <...> расположение залов, классификацию по полкам, каталожным ящикам, тезаурусам и т. д. На вершине айсберга — образцовые, синтетические, вечные произведения, в отношении которых достигнут общественный консенсус; в глубинах — самые необычные, самые неортодоксальные произведения, которые труднее всего найти; ближе к центру — ярусное распределение знаний, подкрепленное энциклопедической концепцией мира».

Библиотеки — это институты культурного трансфера, но этот трансфер осуществляется согласно определенным процедурам, которые сами способствуют передаче модели.

Что вы найдете в этой книге...

Следовательно, здесь мы предлагаем «историю библиотек», причем библиотеки определяются согласно функциям, которые мы